

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ЧЕЧЕНСКУЮ ПРОБЛЕМУ

Александр Лионо

Датский институт международных отношений, Копенгаген

Резюме

Проблем, окружающих чеченский конфликт, действительно много, и они трудноразрешимы. Цель этой статьи - снять покров с некоторых тайн, окружающих проблему так называемого "исламского фундаментализма" в Чечне. Проводится сравнение местной суфийской ветви ислама и импортированной ваххабитской идеологии с целью раскрытия противоречий и конфликтов, к которым привело распространение последних в чеченском обществе. Кроме того, в статье исследуются основные вызовы, с которыми президент Масхадов сталкивался в начале своего мандата и способы, с помощью которых ему удавалось справляться с ними. Статья не представляет собой попытки охватить все аспекты чеченской проблемы; тем не менее, в ней дается краткий перечень других факторов, влиявших на события в Чечне на протяжении последних трех лет.

Введение

Рассмотрение проблем стабильности на Северном Кавказе вообще, и в Чечне в частности, является трудной задачей. Факторов, которые способствовали началу первого и второго вооруженных конфликтов в Чечне, действительно немало. История, политика, экономика, традиции, религия, - все они в определенной степени внесли свой вклад в то, что началось как антитеррористическая операция и превратилось в полномасштабный вооруженный конфликт. Узкие рамки данной работы не позволяют провести исчерпывающего анализа русско-чеченских отношений и постоянной напряженности, которая существовала здесь в течение того периода истории этой части Северного Кавказа, о котором имеются достоверные сведения.

По этой причине анализ будет фокусироваться на результатах первого конфликта, на состоянии чеченского народа между двумя вооруженными конфликтами, и на ситуации в Чечне незадолго до нападения на Дагестан в августе 1999 г.

Немного истории

На протяжении последних двух столетий борьба чеченцев за независимость в основном являлась борьбой против русского завоевания, а не попыткой создания собственного государства в современном смысле. В открытых столкновениях и организованном движении сопротивления фундаментально важным был религиозный компонент. Нормы так называемого тариката (что по-арабски означает "путь") - центрального понятия в суфийской ветви ислама, играли важнейшую роль для выживания чеченских традиций и стиля жизни за последние два столетия. Шейх Мансур, имам Шамиль, Кунта-Хаджи являются лишь тремя примерами религиозных лидеров, вдохновлявших движения сопротивления, которые хранятся в памяти как долгие войны на Северном Кавказе. Суфийская традиция была главным инструментом выживания чеченцев.

Отсутствие в какой-либо форме аристократии и вертикальной иерархии веками отличало чеченцев от других народов и национальностей Северного Кавказа. Чеченцы определенно не первыми приняли ислам в качестве главной религии. При этом клановая

структура общества и ислам являются ключевыми концептами для понимания истории сочетания вооруженного и ненасильственного сопротивления чеченцев против русских.

Вышеупомянутые лидеры являются наиболее известными организаторами борьбы чеченцев против завоевания с Севера. Мелкие восстания часто вспыхивали в период между большими войнами и после их окончания, в том числе даже в советскую эпоху. И вновь традиция и религия заставляли чеченцев любой ценой сопротивляться навязыванию чуждой им системы.

Наряду с другими народами Северного Кавказа (калмыками, карачаевцами и балкарцами), кульминационной точкой в борьбе советского режима за окончательное решение "чеченской проблемы" была депортация чеченцев и ингушей. Акция была направлена на то, чтобы изгнать чеченцев со своих родных земель, и тем самым решить проблему навсегда. Цена была высокой: одна треть их населения погибла при переезде в Казахстан из-за суровых зимних условий. И снова суфийские ордены сыграли лидирующую роль в сохранении чеченского единства и культивировании навыков выживания. Большинство советских специалистов по антиисламской пропаганде признавало, что попытка геноцида посредством депортации свыше миллиона северокавказских мусульман привела к удивительному, непредвиденному результату: вместо разрушения суфийских братств, депортации на деле способствовали их распространению. Для депортированных горцев суфийские ордены стали символом их национального статуса в тех краях, куда они были изгнаны.

В 90-х гг. XX в., после более чем 30 лет мирного существования, чеченцы снова подняли свой голос за независимость. К этому времени в чеченском обществе появились явные признаки фрагментации. Вплоть до 1994 г., когда начался первый русско-чеченский конфликт, руководимое Джохаром Дудаевым официальное правительство сосуществовало в Чечне с несколькими оппозиционными группами. Они оспаривали друг у друга звание самых законных выразителей воли народа. Клановая структура чеченского общества и относительное благополучие республики способствовали появлению различных политических течений. Риторика независимости использовалась элитами в качестве орудия для завоевания поддержки со стороны электората. Москва пыталась использовать эту ситуацию для посылки войск в 1992 г., и позже, в 1994 г., для вооружения группы боевиков и направления их на захват Грозного. Была допущена величайшая ошибка. Теперь президент Дудаев имел доказательство того, что Москва была против независимости чеченцев, и начал подготовку всей нации к войне.

Вероятно, теперь пришло время для попытки найти объяснение единства чеченцев в ходе вооруженного конфликта 1994-1996 гг. Другие примеры чеченского единства во время войны против общего врага принадлежат истории, и они трудно поддаются количественному определению. Напротив, ситуация в 1994 г. являлась непосредственным примером и подтверждением теорий, посвященных характеру поведения чеченцев.

Разделенное на кланы (тейпы), чеченское общество сохраняет высокую степень автономности. Жизнь тейпа управляется адатом – сводом законов обычного права, которые, с одной стороны, являются довольно либеральными для мусульманского общества, а с другой - позволяют кланам пользоваться высочайшей степенью независимости.

Как упоминалось ранее, удивительной чертой чеченского общества является историческое отсутствие каких-либо форм аристократии. Помимо уважения к старшим, чеченцы по преимуществу глубоко эгалитарны. Форма демократии, которая у

них веками сложилась и сохранилась, является уникальной даже среди народов Кавказа. Решения, касающиеся судьбы всей общины или общества, принимались советом старейшин (ахсаков), в котором представитель каждого тейпа имел равные права. Однако для решения споров устанавливались общие правила. Одно из них - кровная месть - все еще воздействует на все чеченское общество.

Социальное поведение в мирное время (например, Дудаева до русско-чеченского вооруженного конфликта и Масхадова после подписания Хасавюртовского соглашения), совершенно отличалось от того, которое превалировало во время конфликта. Российский антрополог Сергей Арутюнов пишет о чеченцах:

"Чечня была и является обществом военной демократии. Чечня никогда не имела каких-либо королей, эмиров, князей или баронов. В отличие от других кавказских народов, в Чечне никогда не было феодализма. Традиционно она управлялась советом старейшин на основе консенсуса, но чеченцы сохраняют институт военного вождя. В мирное время они не признают суверенного авторитета и могут распадаться на сотни соперничающих кланов. Однако во время опасности, при столкновении с агрессией, соперничающие кланы объединяются и выбирают военного лидера. Этот лидер может быть известен всем как неприятная личность, но тем не менее избирается потому, что является хорошим генералом. Пока идет война, этому лидеру подчиняются "[\[1\]](#)".

Таким является пример генерала Дудаева. Как и можно было предвидеть, все внутренние разногласия и конфликты между персонажами чеченской политической сцены мгновенно исчезли с появлением иноземной угрозы. Дудаев занял место, которого он никогда мог и не достичь, если бы продолжал быть президентом самопровозглашенной страны с государственной системой, унаследованной от Советского Союза и открытой оппозицией, базировавшейся как на принципе тейпа, так и на личном недовольстве прежней политической и экономической элиты. Так как чеченцы были плохо знакомы с понятием национального государства, иноземная угроза пришлась вполне впору Дудаеву для выполнения своей роли объединяющего лидера и защитника родины. Он приобрел вес как политик и стал подлинно национальным лидером, при полной поддержке подавляющего большинства населения.

Исход первого чеченско-русского конфликта

К началу конфликта Дудаев имел довольно большую группу хорошо подготовленных и экипированных последователей, игравших роль регулярной армии. Однако она не была единственной. Несколько вооруженных групп, обычно состоявших из членов одного и того же тейпа, было вовлечено в криминальную деятельность. Принадлежавшая нескольким российским дивизиям военная техника, которая должна была быть выведена с Северного Кавказа в соответствии с международными соглашениями, обеспечивала изобилие вооружений и боеприпасов для этих групп. С началом военной конфронтации банды оказались наиболее подходящим инструментом для партизанской войны. Главари этих банд стали полевыми командирами, и хотя во время военных операций они должны были подчиняться приказам генерала Дудаева, они никогда не теряли своей независимости. Согласно чеченским традициям, и особенно принципу тейпа, полевые командиры были в высшей степени критичны ко всему тому, что недостаточно способствовало защите их отечества.

Когда в 1997 г. Аслан Масхадов стал президентом, он не выглядел человеком, понимавшим, какую ношу он унаследовал. Хотя как он, так и международное сообщество вряд ли осознавали, что в то время ему надо было решить три главные проблемы:

- Проблему экономической реконструкции Чеченской Республики, которая понесла тяжелый ущерб из-за вооруженного конфликта.
- Проблему компенсации его союзникам, так называемым полевым командирам, которые требовали награды за свое поведение во время конфликта и за экономические потери, причиненные их довоенным промыслам.
- Проблемы, связанные с распространением ваххабизма, ветви ислама, которая была чужда коренной суфийской догме и опасна для населения и для общего развития ситуации на Кавказе.

Эти проблемы предрешали сдвиги внутри чеченского общества в последующие три года. Давайте проанализируем каждый из них и вскроем связь между ними.

а. Экономическая реконструкция

В августе 1996 г., когда были подписаны Хасавюртовские соглашения, чеченцы не думали, что придет время крайней нищеты и лишений. Переговоры по выработке всех соглашений по экономическому восстановлению и помощи они вели с позиции победителей, и иногда требовали невероятные суммы: 100 миллиардов долларов США как военную компенсацию и 100 долларов США за транзит каждой тонны сырой нефти через Чечню.

В соответствии с соглашениями, подписанными в 1996-1997 гг., общая сумма компенсаций и механизм осуществления реконструкции экономики должны были быть установлены позже. Эти вопросы больше никогда не затрагивались. Единственные имеющиеся данные об экономической помощи, оказанной федеральным правительством, касались суммы, выделенной в 1998 финансовом году. Чеченцам было уплачено восемьсот миллионов рублей: одна треть была стоимостью предоставленных Чечне электричества и газа, вторая треть были пенсии, зарплаты и компенсации, а последняя треть была посвящена некоторым малым проектам по реабилитации. Для разрушенной войной экономики, в которой практически не было ни одного прибыльного предприятия, эта так "щедро" подаренная российским Министерством финансов сумма денег была, как говорят в России, солью, посыпанной на раны. Стремление к получению доходов независимо от источников было таким огромным, что те, кто был у власти, начали прибегать к наиболее опасным и иногда возмутительным методам.

б. Масхадов и оппозиция к нему

Вести о похищениях людей и общем ухудшении состояния безопасности в Чечне затмили собой событие, которое имело самые драматические последствия для развития ситуации в республике. В августе 1998 г. Шамиль Басаев, в то время и. о. премьер-министра Чечни, ушел в отставку и сформировал собственную политическую группу, так называемую внепарламентскую оппозицию. Но давайте вернемся назад в 1997 г., когда Масхадов был избран президентом и сформировал свое правительство.

Кандидатами на должности министров в его правительстве неизбежно должны были стать наиболее известные полевые командиры. Они требовали признания своих заслуг и моральных и материальных компенсаций за вызванные конфликтом потери в их незаконной экономической деятельности. Их участие в правительстве должно было быть главным источником доходов в виде той военной компенсации, уплата которой ожидалась от России. К лету 1998 г., после нескольких встреч между Масхадовым и Черномырдиным (в то время премьер-министром), стало ясно, что Россия не собирается ничего платить. Чеченцам не был оплачен даже транзит нефти. Примерно 10

миллионов тонн, по 8 долларов США за тонну, означали бы определенную сумму денег для нуждающейся республики. В результате войны был полностью прекращен транзит через Чечню, добыча и переработка нефти остановлены, а сельское хозяйство разрушено. Попросту говоря, все бывшие источники доходов исчезли. Не удивительно, что при таких обстоятельствах многие "независимые герои" обратились к наиболее низменным способам получения доходов: похищениям людей и поощрению ваххабизма на Северном Кавказе.

Не надо забывать об образе поведения чеченцев в военное и мирное время, который Арутюнов столь блестяще определил несколько лет тому назад. Хотя в ходе конфликта Масхадов был хорошим генералом и успешно окончил войну, в постконфликтный период он снова стал одним из многих. Полевые командиры чувствовали, что у него больше нет никакого авторитета, и действовали соответствующим образом.

Отставка Басаева в августе 1998 г. произошла вслед за первым открытым столкновением между ваххабитами и сторонниками президента Масхадова под Гудермесом, вторым крупным городом в Чечне. Фактически Басаев покинул лагерь президента и стал представлять последователей все более набиравшего силу ваххабизма. К тому времени он собрал вокруг себя много других полевых командиров, и позиции легитимного президента оказались опасно слабыми.

в. Ваххабизм и суфизм в Чечне

Ваххабитское движение началось в XIX в. на Аравийском полуострове, хотя оно было основано двумя веками раньше. Прозелиты ваххабизма заявляют, что являются последователями чистого ислама и выступают против всех "новшеств", внесенных в ислам после смерти Пророка. Все мусульмане, которые отошли от первоначального учения Пророка, являются изменниками, которые должны быть подавлены любыми средствами. Вопрос о религиозной чистоте возник тогда, когда основатель ваххабитского движения, от которого пошло само его название - Мухаммед ибн Абд-аль-Ваххаб - публично выступил против того, что он называл еретическими новшествами. Величайшими из них были почитание гробниц, молитвы о заступничестве, обращенные к святым, а не прямо к самому Богу, почитание деревьев, скал и т.д., малые паломничества, вера в религиозную силу Магомета и сложные ритуалы посвящения. Аль-Ваххаб объявил эти обычаи проявлением политеизма, величайшего греха согласно исламу, и начал отстаивать возвращение к исламу времен Пророка Магомета. С тех пор ученики аль-Ваххаба продолжали линию своего наставника.

В Чечне ваххабизм нашел плодородную почву для своего распространения. Несколько последователей ваххабизма, выходцев с Ближнего Востока, присоединились к чеченским силам в их борьбе против Москвы, приобретя таким образом уважение и престиж. Катастрофическая экономическая ситуация и поступающие из-за границы огромные финансовые ресурсы позволили им не только начать успешную пропагандистскую кампанию, но и привлечь множество последователей, особенно подростков, организовать тренировочные лагеря для ведения партизанской войны, а также идеологические школы и, наконец, купить лояльность нерелигиозных полевых командиров.

Опять же, ограниченный объем данной статьи не позволяет дать более всестороннего анализа взаимодействия между умеренным суфийским исламом, глубоко укоренившимся в коллективном сознании чеченцев, и крайне радикальной ваххабитской идеологией. Они в высшей степени несовместимы, так как ваххабиты осуждают именно то, что чеченцы высоко ценят. Чеченский суфийский вариант предполагает наличие

властелина; чеченцы имеют своих святых; они практикуют причудливые ритуалы и проходят обряды посвящения.

Как показывает чеченский опыт, опасность ваххабитской ветви ислама в том, что он очень искусно проникает в те регионы, которые сотрясаются катаклизмами, где жизненные условия бедны и где нет сильной религиозной или светской идеологической альтернативы. Можно позавидовать эффективности ваххабитов, которую они показали при осуществлении своих целей в Чечне. Осознав неизбежность провала блицкрига против традиций всего народа, эмиссары с Ближнего Востока вели эту войну руками чеченцев. В конечном итоге их терпение окупилось: постепенное завоевание бастионов социальной и религиозной идентичности чеченцев привело к опаснейшей фрагментации общества.

Возвращаясь к президенту Масхадову, мы можем увидеть теперь, что ни одна из трех проблем, с которыми он столкнулся, не была решена. Наоборот, в период с 1997 по 1999 гг. Чечня погрязла в крайнюю нищету, преступность и религиозный экстремизм. Во внутривластной ситуации ликование и единство сменилось пронзительной уязвимостью перед шантажом с целью создания шариатского государства - развитие, которое невозможно было вообразить всего лишь два года тому назад. Масхадов приобрел репутацию слабой личности и узника всемогущих полевых командиров. Международное сообщество с отчаянием наблюдало за совершаемыми в Чечне преступлениями и требовало от Масхадова наказания виновных. Но Масхадов более всего опасался начала внутривластного конфликта, что и удерживало его от принятия решительных мер.

Вопросы на будущее

Данная статья намеренно фокусируется на анализе чеченского общества и опускает другие аспекты. Многие были написаны и сказано о мотивах, стоящих за началом нового "завоевания" Чечни. Еще больше было сказано об огромном числе беженцев и по меньшей мере спорных способах осуществления того, что называют "анти-террористической операцией". В конце этой статьи необходимо изложить некоторые соображения, которые помогут лучше понять возможные последствия второго русско-чеченского вооруженного конфликта.

Есть вещи, которые мы знаем, и вещи, которые мы не знаем о конфликте в Чечне. Кое-что из того, что мы знаем, вселяет надежду на то, что конфликт вскоре может прийти к завершению. Другие известные нам данные делают перспективу быстрого конца довольно неопределенной. То, что мы не знаем, делает будущее Чечни еще более туманным, чем то, что есть сейчас.

Мы знаем, например, что в ходе этого конфликта российское высшее командование продемонстрировало признаки просчитанной политики. Вместо ведения войны против народа, что они делали при последнем конфликте, российские федеральные войска старались найти друзей среди местного населения и смогли вытеснить вооруженных повстанцев из большинства городов.

Мы знаем, что последний конфликт оставил в Чечне много вооружений и боеприпасов, и что более важно, он повысил боевой опыт большого числа чеченцев.

Мы знаем, что определение "антитеррористическая операция" потеряло свой смысл, когда президент Масхадов и его президентская гвардия воссоединились с Басаевым, Хаттабом и другими сторонниками джихада в их борьбе против федеральных войск

Мы знаем, что 200 тыс. беженцев находятся у границ Чечни. Мы знаем, что

большинство мужского населения боеспособного возраста не находится среди них. Но мы не знаем, сколько из них присоединилось или присоединится к повстанцам.

Мы знаем, что в данный момент чеченское общество очень раздроблено. С одной стороны, мы имеем большинство населения, которое устало от голода, отсутствия безопасности и бесконечной ваххабитской пропаганды. Мы также знаем, что присутствие российских войск может быть меньшим злом. Есть те, кто понимает опасность ваххабизма. Муфтий Чечни Ахмад-Хаджи Кадыров не присоединился к президенту Масхадову в своей борьбе против федеральных войск. Напротив, он организовал взятие Гудермеса, второго крупнейшего города в Чечне. Он сделал это по религиозным убеждениям, а не из братской любви к российской армии. С другой стороны, мы имеем экстремистов. Мы не знаем, сколько их. Мы знаем, что не будет примирения между ними и федеральными войсками. Сценарий партизанской войны в горах неопределенной продолжительности уже много раз обсуждался.

Мы знакомы с образом поведения чеченцев в мирное и военное время. Мы также знаем, что на этот раз хроническая усталость от войны среди многих чеченцев уже во много раз сократила шансы на тотальность войны.

Как вы видите, мы знаем многое. И все же я думаю, что никто не может точно предсказать результаты этого конфликта. И все же мы видим, что чеченское общество вынуждено будет пройти долгий и болезненный процесс самоидентификации даже после окончания войны.

Должен быть учтен главный урок, вынесенный из последних пяти лет опыта с чеченским экспериментом. Вооруженные конфликты являются злом сами по себе. Они не решают большинства существующих проблем, они их только прибавляют. Но постконфликтные ситуации требуют весьма досконального и тщательного изучения. Они требуют немедленных действий. Улучшение жизненных условий населения и восстановление экономики не являются только лишь актами щедрости. Это гарантия того, что такие явления, как ваххабизм, джихад и крайнее насилие не будут иметь места.

Может быть, сейчас самое подходящее время для помощи со стороны международного сообщества. Если российская экономика слишком слаба для обеспечения восстановления ее 89-го региона, то международное сообщество, и особенно Европейский Союз, должны иметь достаточно мужества, чтобы противостоять как похитителям людей в Чечне, так и скептическим настроениям правительства в Москве. Может быть именно сейчас уместно спросить, почему ни неправительственные, ни международные организации не представлены даже в той части Чечни, которая находится под российским контролем.

Двести тысяч беженцев - это лишь часть проблемы. Многие из них вероятно имеют лучшие условия для жизни в лагерях для беженцев, чем те, которые они имели дома. Ключом к завтрашней стабильности в Чечне и на Северном Кавказе является необходимость объяснить людям и дать им реальное знание о том, что им есть что терять, если они будут потворствовать преступлениям и религиозному экстремизму. И уже сейчас им мало что осталось терять.

Одним из аспектов разрешения и предотвращения конфликтов, который почти всегда забывается, является экономика. Ведется много разговоров о самоопределении, правах человека, экстремизме, этничности и многом другом. Но тем не менее все как бы забывают о преобладающей роли жизненных условий в развитии общества. Чеченское общество последних трех лет является печальным, и все же примечательным примером того, как берет верх экстремизм, если нет улучшения жизни пострадавших от войны

людей. Человеческие существа могут вести себя очень странно, если они не видят света в конце туннеля. А до света в Чечне, кажется, еще очень далеко.

[1] Sergei Arutiunov, 'Ethnicity and Conflict in the Caucasus', in Fred Wehling (ed.), *Ethnic Conflict and Russian Intervention in the Caucasus*, University of California: Institute on Global Conflict and Cooperation (1996), p. 17.